

Алла ДРАБКИНА

Исключительный человек

Разве я виноват, что меня отовсюду исключают? Вот в хоре, ну что я такого сделал? Подумаешь, Новикова щипнул, когда он свое дурацкое соло исполнял. А почему дали петь ему, а не мне? Он, видите ли, «душу песни» чувствует. А по-моему, так его просто-напросто Сан Саныч любит. Еще бы, Новиков на все занятия и репетиции подряд ходит. А мне лично неинтересно петь гаммы, да еще «вторым» голосом. Любимчикам своим Сан Саныч вечно «первые» голоса дает, а мне так — «второй». Ну и щипнул я этого Новикова на школьном концерте, когда уж он особенно распелся. Так он еще и геройство проявил, сделал вид, что не заметил, дальше петь продолжает. Тогда я его второй раз ущипнул, он опять не реагирует — поет. Ну я, понятно, в третий раз...

В общем, исключили меня из хора.

Сан Саныч сказал:

— Эх, Сеня, мало того, что я тебя в хор взял, хоть тебе слон и наступил на ухо, так ты ж еще и товарищем плохим оказался...

Неумный человек этот Сан Саныч, хоть и старый и заслуженный деятель. «Слон на ухо наступил»! Да если б мне слон на ухо наступил, так меня бы и в живых уже не было. Да и вообще — у нас же не Африка, слоны по улицам не гуляют...

Потом я в драмкружок поступил, тоже к искусству близко, да и кружком руководила наша пионервожатая, которая мне вначале очень понравилась. Но потом что оказалось? Сами посудите: разве обязаны артисты пол на сцене мыть? Что я, уборщица? Как роли дать, так не дают, поручили в звонок за сценой звонить. Говорят, пока я новенький, главных ролей и подождать могу, а как пол мыть — так изволь вместе со всеми.

Пускай, которые роли играют, те и пол моют. А звонить за сценой, так уж я им позвонил, век помнить будут! Шилоперова и Смирнов ждут звонка, чтобы сказать: «Ой, звонок, кто-то идет!», а никакого звонка и нет. Они ждут, а я не звоню, они ждут, а я не звоню! Тогда этот Смирнов без всякого звонка и говорит: «Ой, звонок! Кто-то идет!»

Вот тут-то я им и отомстил, высунулся на сцену, да как закричу:

— А вот и не было звонка! Не было звонка! Никакого звонка и не было!

Что тут началось! Весь зрительный зал хохочет, и правильно: пусть над ними посмеются. Да и меня все видели, даже мама моя меня видела, вот! Я им показал «звони за сценой»! Я не хуже других зал рассмешить могу.

Так ведь не оценил же никто! Мама дома ремнем выдрала, а вожатая... Даже рассказывать неприятно. «Ты, — говорит, — Сеня, просто предатель...»

Но я тоже знаю, что ответить! Я ей говорю:

— Вот вы меня ругаете, а Смирнова не ругаете, хотя сами учили нас «правде искусства», а какая же правда, когда никакого звонка не было, а ваш Смирнов говорит: «Ой, звонок...»?

Вожатая даже за голову схватилась. Ну, понятное дело, со сцены я ушел. Я ж говорю — человек я исключительный. Мне к исключениям не привыкать.

Потом я в кружок кройки и шитья пошел. Но про это даже рассказывать неинтересно: сиди с девчонками, да всякие швы «козликком» и «крестиком» вышивай. Оттуда меня даже исключить не успели, я сам ушел.

Да, тяжело быть исключительным человеком! Дружить со мной никто не хочет, каждый думает, что я хуже его, даже самые распоследние двоечники и второгодники нос перед тобой задирают, ударить да толкнуть норовят.

А я драться терпеть ненавижу. Ну, если только щипну кого.

А мне-то как раз драться нужно уметь. Вот и подумал я: хватит заниматься искусством, не пойти ли в спортивную школу и не заняться ли боксом?

Ну, пришел я туда. Кружком руководил молодой, красивый и сильный Иван Николаевич. Очень он мне понравился: сразу видно — добрый и веселый. Вы, наверное, за меня обрадовались, что наконец-то я хорошего человека встретил, тем более, что я ему тоже, вроде, понравился.

— Да ты же богатырь, — сказал он, — да у тебя же мускулы, как у Юрия Власова, да я же из тебя чемпиона выращу!

Обрадовался я так, что и рассказать не могу. Вот, думаю, наконец-то и меня поняли, оценили. Да, как видно, напрасно я обрадовался.

Тут уж слушайте все по порядку, потому что никак я не могу понять, за что из бокса-то меня исключили, ведь я делал все правильно, честное слово!

Вот как было дело.

Собрал Иван Николаевич свою боксерскую группу, поставил меня перед строем и сказал:

— Вот, ребята, новенький! Зовут его Сеней, прошу любить и жаловать. Мальчик он сильный, принимайте его в свои товарищи!

Но тут вылез Витька-Длинный (он в нашем доме живет) и говорит:

— Иван Николаевич! Я не ябеда, я перед всеми говорю: Сеня плохой человек! Нельзя его драться учить, плохой он человек.

Вы представляете, еще говорит, что не ябеда! А ведь в одном доме живем! Вот ведь до чего вредные бывают люди!

— Хулиган, что ли? — спросил Иван Николаевич.

— Хуже! — сказал Длинный.

Вот уж сказанул так сказанул! Разве бывает кто-нибудь хуже хулиганов?

— Ну, так ты ему, Витя, объясни наши правила, — сказал Иван Николаевич.

— Не буду я ему объяснять! — буркнул Витька.

— Что-то ты мне не нравишься сегодня, Витя. Нехорошо так дурно думать о людях.

— Я сказал, что думаю. Я честно сказал, при всех...

Иван Николаевич только плечами пожал.

— Тогда пусть Володя Петров скажет наши правила!

Из строя вышагнул какой-то коротышка и торжественно завопил:

— Мы! Не должны! Применять! Свою! Силу! Там! Где! Люди! Слабее! Нас! Мы! Не должны! Драться! Научившись боксу! Научись! Быть! Добрым!

— Понял? — спросил меня Иван Николаевич.

Хоть этот коротышка и вопил как резаный, у меня даже в ушах зазвенело, но я, конечно, понял, что драться им тут просто так запрещают. Пожалуйста, я и сам не люблю драться, потому что не умею. А когда научусь, так уйду из бокса и такого всем покажу...

Ну, а главная история произошла в воскресенье. Вышел я во двор погулять, никого из ребят там не было, так что бояться мне нечего, сел на лавочку, дышу воздухом. Вдруг из соседнего двора заходит в наш один хулиган и говорит мне:

— Что-то мне твоя рожа не нравится.

— А меня она вполне устраивает, — отвечаю.

— Ишь ты, «устраивает»! Слова-то какие умные знаешь! Давай лучше на кулаках поговорим.

— Не могу, — отвечаю, — нам в боксе просто так драться запрещают.

Он посмотрел на меня с недоверием.

— А ну, покажи прием!

А какой я могу прием показать, если только один раз на занятиях был. Но чувствую, что говорить об этом нельзя, иначе он меня отлупит и спасибо не скажет.

— Не могу, — отвечаю, — как начну показывать — покалечу. Я тут одного чуть насмерть не убил, пока показывал.

Хулиган посмотрел на меня с уважением.

— Жалко, — говорит, — а то меня из-за двоек в бокс не берут.

Сидим мы с ним и мирно разговариваем. Вдруг, как назло, вышли во двор два близнеца-второклашки из третьего подъезда. А хулиган мне и говорит:

— Смотри, чего я умею! Своим умом дошел! Без всякого бокса!

Подошел он к близняшкам да как стукнет их лбами! Те, конечно, реветь хором.

— Это еще что! — говорит хулиган и как-то очень ловко — раз! — и подножку сразу же обоим поставил. — Я и еще кой-чего могу, — говорит. — И без всякого бокса! Вот смотри!

Показать остальные свои штучки он не успел, потому что во двор выскочил Витька-Длинный и так его стукнул (ну и приемчики!), что тот свалился с ног. И такая между ними началась драка, какую и по телевизору не часто увидишь. Но только я конец ее из окна досматривал, потому что у меня на этот счет мыслишка одна появилась. Будет Длинный знать, как на порядочных людей жаловаться!

На следующем же занятии, когда Иван Николаевич выстроил нас перед разминкой, я и говорю:

— Иван Николаевич! А вы спросите, где Витька-Длинный синяк заработал?

При всех говорю, так же, как и Витька в прошлый раз. Его же монетой плачу.

— Дрался-то он со слабым, — говорю, — которого в бокс не взяли.

— Это кто ж такой слабенький умудрился тебя так сильненько побить?
— почему-то не очень строго спросил Иван Николаевич у Витьки.

— Да этот, Никаноров, который к нам в прошлом году просился, — опустив голову, сказал Витька.

— Эх, Витя, Витя, куда же твоя реакция девалась? Как же ты мог позволить ему до лица добраться! А ну, надевай перчатки, защищайся!

Нет, вы представляете? Вместо того, чтоб Витьке нахлобучку устроить, он его стал драться учить. Вы теперь поняли, какие тут крепкие правила, если они их на каждом шагу нарушают? Как мог я стерпеть такую несправедливость? Я закричал, теперь уже не помню что, бросился к Ивану Николаевичу, потянул его за рукав, а он... Он так бешено на меня посмотрел...

— Слушай, Сеня, — сказал он страшным голосом. — Я слишком хорошо знаю Витю и слишком хорошо знаю Никанорова. Витя не дерется зря. Я ему верю.

Нет, вы представляете? А вы думали, он хороший? Как же!

— И вообще, Сеня, — говорит он, — тебе бы в Америке в какой-нибудь жить, где с твоими принципами процветать можно. Да и там, наверное, порядочные люди найдутся, чтоб тебя раскусить.

...Но это еще не все, нет. Бойкот они мне объявили, вот ведь как! И в школе, и во дворе. А за что? За честность мою, за доброту мою, за наивность? Не разговаривают со мной и не смотрят на меня, и не бьют теперь даже, вот ведь до чего дошло. Хулигана Никанорова один раз встретил, хоть с ним поговорить хотел, а он мне только и сказал:

— Ух, дал бы я тебе, да только руки пачкать не хочется.

А что ждать от этого Никанорова, когда он за Витькой-Длинным теперь как собачонка бегаёт!

Ребята! Я вам всю правду про себя рассказал! Неужели никто со мной дружить не захочет? Может, кто из ваших знакомых найдется? Вы пришлите мне его адрес. Согласен даже с девчонками водиться, с кем угодно! Я не могу больше один!